

Елена Фили

Отрава для ведьмы

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф53

Фили, Елена.

Ф53 Отрава для ведьмы / Елена Фили. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Гений дедукции. Детектив в классическом стиле).

ISBN 978-5-04-235098-6

Старший лейтенант милиции Никита по прозвищу Коломбо расследует дело о гибели ясновидящей Фаины. По данным экспертизы женщину отравили. На месте преступления были обнаружены чашки из-под чая, одна из которых оказалась тщательно вымытой. Под подозрение попадает соседский парнишка, отец которого часто заглядывал к Фаине «на огонек». Однако эта версия кажется следствию неубедительной. Никита тщательно изучает биографию и окружение погибшей и вскоре узнает такие подробности, какие обычному человеку могут показаться жутким вымыслом...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235098-6

© Фили Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

ЧЕЛОВЕК НА ПАРКОВКЕ

Густой сырой воздух пах талым февральским снегом, железом и грязью уходящей зимы. Единственным источником света на поселковой улице был одинокий фонарь, стоявший на противоположной от забора стороне. Его тусклый, желтоватый луч косо освещал узкое пространство вокруг, едва доставая до подростка, сосредоточенно рисующего что-то на заборе красками из аэрозольных баллончиков. Капюшон мальчика был натянут на голову, скрывая волосы и бросая тень, из-за чего вместо лица виднелись лишь острый подбородок и сжатые в злости губы. На руках плотно сидели грубые перчатки без пальцев, темные от старой краски и грязи. В одной руке мальчик сжимал холодный металл баллончика, другую, замерзшую, сунул в карман.

Из шипящих распылителей по очереди вырывались струи краски ядовито-чернильного и болезненно-гнилостного салатowego оттенков, а также цвета запекшейся крови. Из хаоса штрихов на листе профнастила постепенно проступала форма — это была паучиха. Тело, состоящее из двух черных капель-сфер, восемь лап, словно обнимающих паутину вокруг, и глаза-точки. Казалось, существо не просто смотрит, а сканирует, выслеживает, пронзает взглядом сырую ночь, отыскивая жертву.

...Вовка ненадолго отстранился, чтобы оценить свое творение, как вдруг недалеко, там, где на улицу выходила калитка, оглушительно хлопнуло. Рефлексы сработали быстрее мысли. Вовка сделал резкий шаг в сторону, скрываясь в тени, и прильнул к мокрому холодному забору. Баллончик он инстинктивно прижал к груди.

Послышались голоса. Один что-то горячо доказывал, другой лениво успокаивал. Ленивый голос — это она, «паучиха». Вовка стиснул ладони, в глазах, до этого испуганных, отразилась ненависть. Он немного передвинулся, чтобы лучше слышать, и напрягся, разглядывая в тусклом свете посетителя «паучихи». Молодой мужик, незнакомый, не из поселка.

Своих Вовка знал, жил тут, в старой части, с самого рождения.

И чего эти городские к Фаине-прорицательнице без конца ездят? Неужели и у этого красивого, спортивного на вид мужика в шикарной одежде есть проблемы с девушками или деньгами? Говорят, Фаина не просто предсказывает будущее, а может его переделывать — наверное, поэтому. Вовка, тоже хотел бы кое-что изменить в своей пока короткой одиннадцатилетней жизни. Только не в будущем, а в настоящем. Сделать так, чтобы отец перестал таскаться сюда по ночам. Чтобы мать не рыдала в подушку.

Он посмотрел на часы. Одиннадцать вечера, пора домой. Сложил в рюкзак баллончики. Они вдруг тихо брякнули в темноте, и голоса настороженно замолкли. Вовка снова прильнул к стене, ожидая громкого окрика дворника «паучихи», с которым у него сложилось негласное противостояние: он рисовал на заборе Фаины то саранчу, то кобру, то еще что-то такое же — мерзкое или ядовитое, а дворник, он же охранник, тихо матерясь, закрашивал. Но обошлось, и Вовка с облегчением выдохнул.

— Ты поезжай домой, Фил, выглядишь очень усталым, услышал он голос дворника.

— Я должен с ней поговорить! Наташа придет сегодня в нашу квартиру, написала мне в сообщении. Откуда она вообще взяла эти снимки, не понимаю, — жаловался голос в ночи. — Я же тренер, мне положено поправлять неправильно напряженные ноги или руки моих учеников. А она сразу скандал закатила на весь фитнес-центр!

— Ну, Наталья, она такая... Даже мы с братом не можем на нее повлиять. Позвони, как поговоришь, ладно? И если поздно будет, я подожду. У меня предчувствие плохое. Знаки везде мерещатся. Кровь, смерть. Тревожно что-то...

— Позвоню.

Вовка различил звук заработавшего автомобильного мотора и решил подождать, пока мужчина со странным именем Фил уедет. Тогда можно будет спокойно смыться домой.

Машина, сыто урча, проехала мимо притаившегося Вовки, на мгновение выхватив из темноты его новое творение. Фаина, увидев рисунок твари на заборе, внезапно развернулась в сторону, где стоял Вовка, и зло произнесла, вглядываясь в темноту:

— Я знаю, что ты здесь, маленький гаде-ныш. Жалко тебя, но если будешь продолжать портить мое имущество, станешь в штаны

мочиться по ночам, учти. И твой папа Рома не поможет.

Калитка захлопнулась, а Вовка, мрачно ухмыльнувшись, сплюнул на землю. Война так война, «паучиха». Завтра ночью он снова придет и нарисует что-то пострашнее. Нужно только полистать альбомы или спросить у парней из их небольшого местного сообщества граффити, где найти изображения какой-нибудь мерзкой гадины.

* * *

В доме, пахнущем лекарствами и тоской, Роман стоял у окна, не видя ничего за стеклом, за которым кружился мокрый снег. Его тело было здесь, в когда-то уютной гостиной, где на полке пылилась семейная фотография: он, Татьяна и маленький Вовка, все с улыбающимися, счастливыми лицами. Тело-то здесь, а воля и душа хранились под замком в проклятом доме Фаины.

Роман слушал тихое ровное дыхание спящей в соседней комнате Татьяны, и сердце разрывалось на части от любви и бессилия. Он любил ее. Боже, как он любил ее! Ее рассудительную силу, ее ум, ее руки, пахнущие не духами, а травами и химическими реакти-

вами — Татьяна работала фармацевтом в городской аптеке. Роман вспоминал, как они смеялись вместе, как строили планы, как она поддерживала его в трудные минуты.

А потом в его памяти всплывало лицо Фаины. Смуглое, с пронзительными, слишком светлыми, иногда даже прозрачными от гнева глазами. И приходило странное, вязкое чувство, похожее на опьянение. Оно накатывало волной, смывая все: и любовь к Тане, и ответственность, и стыд. Это было похоже на жестокий приступ жажды в пустыне, когда единственным источником влаги был отравленный колодец. Он не хотел идти к Фаине, его истинное «я» кричало от ужаса и отвращения, но ноги несли сами, помимо его воли. Тело тянулось к ней с животным магнетизмом, в то время как разум корчился в агонии.

Роман словно чувствовал невидимые нити. Они дергались, и он шел. Но хуже всего было возвращаться. Возвращаться в этот дом, наполненный любовью и прошлым, и видеть молчаливое осуждение в глазах сына. Вовка не кричал, не плакал. Он просто смотрел. В его взгляде была такая взрослая жалость к отцу, что Роман готов был провалиться сквозь землю.

«Я слабый, — шептал он сам себе, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Я тряпка. Я не могу с этим бороться».

Он пытался. Злился на себя, запирался, давал себе слово не выходить из дома. Но чары были сильнее. Колдовская отравка в его крови звала его снова и снова, и он, как преданный пес, полз на брюхе к ногам своей тюремщицы, ненавидя ее и унижаясь. Он как будто был расколот надвое, одна половинка оставалась дома, а вторая там, у Фаины. Он терял себя и знал это, видел, как рушится семья, как страдает сын, и ничего не мог изменить. Роман тихо застонал.

...Татьяна, зажав зубами край наволочки, притворяясь, что спит, слушала, как муж мучается в соседней комнате. Что их теперь ждет? Роман не уйдет из семьи, да и не нужен он этой «паучихе». Просто позавидовала она их счастью, а может, кто-то из поселковых донес до Фаины слова Татьяны о том, что каждому человеку Бог дает столько, сколько человек может вынести. Злая она, Фаина, вот что. Живет в поселке уже десять лет, а соседи, сначала кинувшиеся к ней со своими болячками, теперь обходят ее коттедж стороной. Зато из города многие приезжают на дорогах иномарках. Очередь на месяц, так Даше рас-

сказывала соседка, которая у Фаины работает секретаршей.

...На крыльце слышались осторожные шаги. Роман замер. Татьяна, казалось, до этого крепко спавшая, вдруг легко поднялась и пошла навстречу сыну.

— Ты где был? Опять забор разрисовывал? Вовка, ну не надо связываться с этой Фаиной! Еще какую-нибудь порчу на тебя наведет! Голодный? Мой руки и садись за стол. Весь вечер где-то шляешься, я уже хотела идти искать тебя.

— Чего это мне ее бояться? Обещала, что в кровать по ночам мочиться буду. А я ей тогда дом подожгу!

В кухне загремела упавшая посуда.

— Ты что? Ты не смей! В колонию упекут!

— Мам, я правда голодный, — услышал Роман подлизывающий голос сына и усмехнулся: «Хитрюга. Знает, как подкатить к матери».

Снова слышался звон посуды, запахло разогретыми котлетами и картошкой.

— Сынок, я тебя прошу. Если с тобой что-то... Я же не железная... Я ее тогда убью, вот что. А ты дом подожжешь. Так все эти мучения и кончатся. Все будем наказаны. Только непонятно за что.

Татьяна хрипло засмеялась, словно закаркала, и Роман вдруг понял, что она не шутит. И Вовка, похоже, тоже не шутит. Вот до чего дошло. Он прокрался к дверям и тихо, как ему показалось, выскользнул на улицу.

Но Татьяна и Вовка звук закрывавшейся двери слышали и одновременно отвели глаза.

— Спасибо, мам! Я все доел, очень вкусно!

Вовка выскочил из-за стола, чмокнул мать в щеку и быстро поднялся на чердак, где у него была мастерская с эскизами и красками. Так... Паучиха была, кобра была. Саранча? Была. Ящерица? Нет. Нашел! Крыса. Жирная, злая, с выпученными красными глазами и длинным противным хвостом. Припала на передние лапы, словно вот-вот прыгнет. Опасная. Вовка отложил эскиз в сторону и задумался. А если правда? Если Фаина сможет сделать так, чтобы он... ну, это... в кровать? Да ладно. Если бы хотела, давно бы мать извела или его, Вовку. Только и может что мужиков к себе в постель завлекать. Она же ведьма по амурным делам. Приворот, отворот, все такое. Вот сегодняшний мужик про какую-то Наташу спрашивал. В общем, пугает, ведьма.

Вовка придвинул ближе рисунок крысы, выписывая на листок, какого цвета баллончики с краской ему понадобятся.

Татьяна сходила в подпол, взяла вилок капусты для борща на завтра и постояла, затаившись в сумраке. Сверху свисала одинокая лампа на витом шнуре, пахло старой картошкой, вылившимся из вздутой банки рассолом и какой-то химией. В углу копошилась мышь. Она вздохнула, задвинула на полке подальше бутылочку с мутной жидкостью и вышла из подпола на кухню, пробормотав: «Пугает, ведьма».

* * *

Фил гнал машину по сумеречному городу, превышая скорость, проезжая светофоры на зеленый свет. Сбоку кто-то раздраженно посигналил, когда Фил сделал опасный маневр, но он даже не услышал. Думал о том, как все сегодня будет. Фаина сказала, что видит знаки про кровь и тревогу. Неужели и правда чувствует? Фил поежился и тяжело вздохнул, вспоминая разговор. С Натальей никто не может справиться, это точно. Она только похожа на свою тезку Наташу Ростову, чем и зацепила в первую встречу Фила: черноглазая, порывистая, хрупкая. И богатая — чего уж перед собой юлить. Их отношения были похожи на взрыв: мгновенно вырвавшаяся из-под контроля стихия. Зато потом... Ревность

и подозрительность Натальи стали докучать, портить сказку. Сколько еще он может выдерживать такое? Ни поговорить, ни улыбнуться клиентке, даже нельзя положить руку на спину... Он — тренер, это его работа. И это самый крутой в городе фитнес-клуб, который принадлежит Наталье.

Фил и хотел бы вырваться из этой «медовой» ловушки, но как? Наталья держит мертвой хваткой. Квартиру ему купила, машину. А сейчас начала разговоры о разводе с мужем. Мол, уедем вместе жить в Испанию. Кто же от такого откажется в трезвом уме и твердой памяти? Вот только она же и в Испании будет повелевать, как королева своему слуге. Он не слуга, он нормальный молодой мужик. И заглядываться на хорошеньких девушек никто ему запретить не может. Недавний скандал случился из-за того, что он подправил клиентке неверно напряженную спину и чуть погладил по ноге, успокаивая возникшую боль. А кто-то — да понятно кто, ведь охрана фитнес-центра с видеокамерами принадлежит Натальиному мужу Зотову, — отправил начальнице снимки этого эпизода.

В памяти совсем некстати всплыла вдруг Вероника. Юная, с горящими решимостью глазами и упругой грудью. Фил прерывисто

вздыхнул. Наталье через два с половиной года сорок исполнится, вот она и бесится. Ему-то всего тридцать два. И он, бесспорно, красив. Наталья не может не понимать, что девицы, пришедшие в центр подкачать тело, заглядываются на него, и это нормально. Это называется закон природы.

Фил, остывая, перестроился в правый ряд, включил поворот, и сразу показался ЖК, где у них с Натальей свое гнездышко в элитной новостройке. И где она его сейчас ждет, чтобы поговорить и помириться.

Неужели сегодня все решится? Фил опять вспомнил разговор с Фаиной. Он приехал к ней в отчаянии, но она успокоила его, как только она и умеет. Правда, потребовала, чтобы он как можно быстрее помирился с Натальей, иначе может все потерять. Странная она, Фаина. Ее брат Зотов женат на Наталье, а она принимает ее любовника. Да еще и советы дает. Может, между братом и сестрой черная кошка пробежала и Фаина так мстит? Да ему-то какая разница?

Фил нажал кнопку на пульте, и оранжевый шлагбаум, словно нехотя, пополз вверх, открывая путь на подземную стоянку. Глаза, привыкшие к вечернему полумраку, ослепили резкие неоновые лампы парковки.

Увидев издалека красный «Феррари», Фил успокоился: Наталья приехала и ждет.

Вдруг неумолимая, тяжелая волна сна накатила на него. Фил едва успел припарковать «Ауди» рядом с блестящим бампером «Феррари», выключить мотор и положить руки на прохладную кожу руля, как голова сама упала на них, и сознание отключилось...

Через минуту на парковке погас свет. От одного из бетонных столбов отделилась тень. Человек, до этого стоявший неподвижно, слившись с опорой, неторопливо сделал несколько шагов. Его движения были лишены суеты и отточены до автоматизма. Он подошел к «Ауди» и направил в темноту салона луч фонарика. Свет выхватил из мрака склоненную над рулем фигуру Фили. Тот не шелохнулся, его дыхание было глубоким и ровным.

Человек осторожно приоткрыл дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно громко в давящей тишине. Он тряхнул Фили за плечо, сначала легко, потом сильнее, проверяя крепость сна. Тело лишь безвольно покачнулось. Тогда человек резко обхватил Фили за плечи и, с силой откинув спинку кресла, уложил безвольное тело на сиденье, стараясь сделать его как можно менее заметным снаружи. Голова Фили неудобно свесилась набок,